

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.4.268

История идей А. Лавджоя: теория природы человека в американской конституции

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается концепция истории идей А. Лавджоя, заключающаяся в изолировании и изучении перемещающихся во времени идей-единиц. Отмечается, что природа человека для него не выступала в качестве идеи-единицы, а представляет собой концепцию, представленную различными позициями и оценками. Указывается, что главная историческая цель Лавджоя состояла не в том, чтобы оценить, а в том, чтобы проиллюстрировать широкое распространение пессимистичной оценки человеческой природы и мотивов, в том числе и среди создателей американской Конституции.

Ключевые слова: интеллектуальная история, идея, история идей, природа человека.

История идей непосредственным образом концентрируется на исследовании различных концептов, их появления, распространения и преобразования в ходе истории, в целях организации исторического нарратива вокруг одной основной идеи и изучения ее развития, метаморфоз и проявлений в различных контекстах. Классическим примером подобного является методология А. Лавджоя (1873–1962), позволяющая выявить сходные черты мышления, «вечные» проблемы, несмотря на контекстуальные различия [10].

«Не смелость, а осмотрительность, ещё раз осмотрительность, и всегда осмотрительность» – это девиз, который Лавджой представил в президентском послании Восточному отделению Американской философской ассоциации [16, р. 257]. Осмотрительность является отличительной чертой творчества Лавджоя как философа. Самый критичный и эрудированный философ своего поколения, он обладал очень разносторонним и развитым умом. Благодаря знанию нескольких языков (помимо английского, он в совершенстве владел французским и немецким, легко читал по-гречески и латыни, а также по-итальянски и по-испански), Лавджой много читал по разной проблематике, в том числе малоизвестные сочинения. И, по словам его современников, во время отпусков «Лавджой был занят чтением тех немногих книг из библиотеки Британского музея в Лондоне, которые он ещё не читал» [11, р. 209–210].

Исключительно эрудированный, Лавджой известен не только в философии, но и также считается одним из отцов-основателей интеллектуальной истории, истолковываемой им как история идей. Он мог одинаково хорошо выделять тринадцать pragmatizmов, различать разновидности романтизма, прослеживать влияние платоновской метафизики на западную мысль, определять различные значения понятия «природа» у античных, средневековых и

современных авторов и выявлять двусмысленности теории относительности в физике [16, р. 257–259].

Историографические взгляды Лавджоя формировались как альтернатива господствующим в его время в США историческим концепциям; его не устраивали ни гегелевская парадигма, объясняющая историю развитием духа, ни ее вариации, ни социоисторизм Д. Дьюи. Методологический холизм Лавджоя, опирающийся на дарвиновскую теорию эволюции, стал одной из основ понимания динамики исторического процесса [5, с. 153–155]. Он также разделял концепцию сформировавшегося в 1920 г. критического реализма, согласно которому познавательное отношение субъекта и объекта опосредовано ментальными образами, а всякое знание внешнего мира является репрезентативным, поскольку физические вещи и их образы имеют разную пространственную и темпоральную локализацию [6].

История идей в понимании Лавджоя была направлена на восстановление «мысли» прошлого и основывалась на темпоральном реализме – утверждении, что существовало реальное прошлое, внешнее по отношению к настоящему моменту и современному наблюдателю. Соответственно, Лавджой решительно отвергал позицию, согласно которой отбор историком материалов из прошлого равнозначен воссозданию этого прошлого с точки зрения настоящего и в качестве ответа на проблемы, существующие только в настоящем. Признавая, что историк идей следует своим интересам, он, тем не менее, стремился восстановить все, что думали люди относительно исследуемой теме, независимо от того, имели ли эти мысли отношение к текущим проблемам. Он был увлечённым эволюционистом и интересовался генезисом додарвиновских эволюционных идей. В 1904 г. он начал писать о предшественниках Дарвина. Этот интерес к идее эволюции привёл к интересу к её антитезе – идее «примитивизма», и в исследовании 1923 г. «Предполагаемый примитивизм в рассуждениях Руссо о неравенстве», характеризуя сложность мысли просветителя, он, споря с теми, кто видит в ней исключительно призыв вернуться к природе, отводит Руссо важное место в развитии эволюционных и антипримитивистских представлений [15, р. 475].

Подход к интеллектуальной истории Лавджоя, его категоризация «идей» и концепция истории идей в «Великой цепи бытия» (1936) и «Эссе об истории идей» (1948), заключающийся в изолировании и изучении перемещающихся во времени универсальных идей-единиц, выступающих как модули в конструкциях различных теорий и учений [1], является дискуссионным. Стремление к выделению идей-единиц зачастую создавало впечатление, что Лавджой – интеллектуальный атомист [15, р. 476]. И он действительно любил раскладывать комплексы идей на составляющие, как, к примеру, Великую цепь бытия, представленную принципами изобилия, непрерывности и иерархии. Однако он не отрицал важности комплексов идей, живущих собственной жизнью, сложных интеллектуальных традиций.

История идей во многом ориентируется на предметы и результаты исследований других отделов истории мысли, однако способы интерпретации представляются иными, поскольку история идей группирует его и устанавливает новые связи, рассматривая предметы под особенным углом зрения. Подобную процедуру можно соотнести с аналитической химией: «Обращаясь, например, к истории философских доктрин, она проникает в застывшие и незыблевые системы и, в своих собственных целях, делит их на исходные элементы, на то, что может быть названо элементарными идеями, идеями-единицами (unit-ideas).

Общее здание доктрины любого философа или школы почти всегда является чем-то комплексным, неким гетерогенным агрегатом – хотя и сам философ зачастую об этом не подозревает. Это здание сложено не только из различных элементов, но и сами элементы эти нестабильны, хотя испокон веков никто из философов не помнит об этой меланхолической истине» [2, с. 9–10]. Следовательно, интеллектуальный историк вынужден воспринимать историю мысли как кумулятивный процесс, включающий в себя труды бесчисленных авторов [16, р. 283].

Одним из закономерных вопросов, возникающих при прочтении Лавджоя, является статус «идей-единиц»: неизменны и постоянны ли они, подвержены ли внутренним изменениям, как они возникают и могут ли они исчезнуть. По мнению К. Даффин, интеллектуальная история Лавджоя является «эмерджентной и эволюционной», позволяющей осуществлять перестройку идей-единиц внутри идейных комплексов [9]. Д.Дж. Кун, в свою очередь, характеризует идеи-единицы Лавджоя как «неисторические» и «неоплатонические универсалии», рассматривая их как противоречающие взгляду, согласно которому концептуальные системы являются сходными эволюционирующими видами [8, р. 497].

Л. Минк, анализируя принципы Лавджоя, отмечал, что если бы единичные идеи имели ту природу, которую предполагает Лавджой, и если бы задача историка идей фактически заключалась в написании их истории, то она была бы невыполнима, поскольку Лавджой характеризует (единичные) идеи таким образом, что они, «подобно физическим константам или числу, вообще не могут иметь историю, то есть претерпевать развитие и изменение» [14]. Критика Минка в определенной степени заслуживает внимания, поскольку Лавджой действительно придерживался позиции, что идеи, сколь бы многочисленны они ни были, можно разложить на ограниченное число единиц, подобно тому, как бесконечно меняющийся поток языка был успешно разложен на ограниченное число элементов фонологами и древними изобретателями алфавита [7, р. 199]. Однако он так и не уделил этому вопросу внимания, необходимого для создания «фонологии идей», или, используя вышеприведенную метафору Лавджоя, аналитической химии. Элементы истории идей и аналитической химии будут обладают двумя общими характеристиками: во-первых, они различимы и идентифицируемы в совершенно разных соединениях (и этому Лавджой уделял большое внимание); во-вторых, их число ограничено, хотя Лавджой никогда не предпринимал серьёзных попыток установить вероятность обнаружения пределов численности. Как справедливо отмечает Т. Бредсдорф, идеи, исследованные Лавджоем, обладали историей именно потому, что он не писал историю «единичных идей», как он порой предполагал, а предпочитал изучать историю сложных идей [7, р. 199].

В сборнике лекций, впервые опубликованном в 1961 г., Лавджой сосредоточил внимание на проблематике природы человека. В целом, «природа» оказалась одним из самых плодотворных объектов исследований теоретика. Причины подобного кроются, скорее, не в том, что возможно выделить десятки значений данного термина, а в том, что термин «природа», являясь в определенной степени дескриптивным, допускает беспрецедентное количество нормативных употреблений, как отрицательных, так и положительных.

В эссе «Самооценка человека» Лавджой сосредотачивается на изучении концепций природы человека. Утверждая, что глубокие опасения относительно природы и земных перспектив людей являлись доминирующей позицией в оценивании природы человека на протяжении большей части истории, он отмечал, что представления о внутренней испорченности и негативная оценка были столь общепризнанными, что человек не только стал довольно стойким к ним и принял их как одну из подходящих тем в поэзии и прозе, но и как в общем то верное отношение [12].

Лавджоя интересовало применение данных представлений в реальной практике, в том числе и политической. По его словам, в конце XVII в. и большей части XVIII в. человек «находился в немилости у всех мыслящих людей» западного мира. Человека описывали как существо, с одной стороны, движимое исключительно иррациональными мотивами («страстями», предрассудками, тщеславием или стремлением к личной экономической выгоде), но с другой стороны, всегда внутренне и непоколебимо убеждённое в рациональности своих мотивов. Данный взгляд на человеческую природу может показаться несовместимым с республиканской формой правления, в которой высшая политическая власть будет сосредоточена в руках индивидов или групп, движимых столь иррациональными и непримиримыми страстями и предрассудками. Подобный подход к определению природы человека, как отмечал Лавджой, не помешал сформулировать ряд концепций, утверждавших, что вполне возможно построить идеальное политическое общество из «плохого человеческого материала», создать рациональную схему правления, в которой будет достигнуто общее благо. При этом не предполагалось, что лица, осуществляющие высшую политическую власть, будут руководствоваться при ее использовании рациональными мотивами или в первую очередь заботиться об общем благе.

По сути, позиция Лавджоя противоречила взглядам, изложенным в известной и обсуждаемой в 30-40 гг. XX в. работе «Небесный град философов XVIII века» (авт. Карл Беккер, 1932), представляющей «основополагающие принципы религии Просвещения», среди которых выделяются следующие. Во-первых, представление о том, что «человек не испорчен от природы»; во-вторых, убеждение, что «человек способен, руководствуясь исключительно светом разума и опытом, совершенствовать праведную жизнь на земле...»; в-третьих, утверждение, что «человек от природы добр... склонен следовать разуму и здравому смыслу, великодушен, гуманен и терпим..., является хорошим гражданином и обладает добродетелями». Действительно, Лавджой не отрицал того, что ряд мыслителей эпохи Просвещения следовали подобным установкам. Но утверждение, что позитивная концепция мотивов, сформулированная Беккером, разделялась большинством, являлось по его мысли «радикальной исторической ошибкой», которую Лавджой стремился скорректировать [13, р. 52–53].

Согласно позиции теоретика, философы XVII и XVIII вв., рассуждая в границах деистических представлений о божественном управлении миром, зачастую утверждали, что создатель применяет метод противовеса, уравновешивая таким образом «дурные» вещи. Для иллюстрации подобного возможно обратиться к различным изложениям ньютонаской небесной механики, согласно которым планеты обладают как центробежной силой, которая

направляет их в космосе по прямой, так и центростремительной силой, которая могла бы привести к притяжению к Солнцу. Уравновешивая друг друга, данные «вредоносные» силы приводят к тому, что небесные тела ведут себя так, как им положено, т.е. врачаются по своим собственным орбитам. Человеческая природа также понималась по аналогии с механической системой. Несколько перефразируя Р. Декарта, Вольтер утверждал: «Бог, которого он называл вечным геометром, я называю вечным механиком; а страсти – это колёса, приводящие в движение все эти машины» (цит. по: [13, р. 37–38]). Место метода противовеса в динамике человеческой природы было кратко обозначено Паскалем в 1660 г.: «Мы стойки в добродетели не потому, что сильны духом, а потому, что нас с двух сторон поддерживает напор противоположных пороков, подобный напору ветров, дующих навстречу друг другу: стоит нам избавиться от одного порока – и мы оказываемся во власти другого» [4]. Ларошфуко использовал другое сравнение, чтобы выразить сходную концепцию: «Пороки входят в состав добродетелей, как яды входят в состав лекарств. Благоразумие смешивает их, ослабляет действие, используя их как полезное средство против жизненных невзгод» (цит. по: [13, р. 38]). И создатель государства, уподобляясь Создателю вселенной и человека, вследствие устоявшихся представлений о природе творца, должен осуществить свой меньший, но благотворный замысел. Он противопоставляет не природные силы, а взятые по отдельности разрушительные и дурные человеческие мотивы, пороки, стремясь их объединить и уравновесить [14, р. 40].

Основная проблема области политической мысли XVII–XVIII вв., по словам Лавджоя, может быть сформулирована следующим образом: посредством каких политических методов возможно «заставить существа, чья воля всегда движима иррациональными страстями, вести себя так, чтобы это не противоречило общему благу»? И одним из ответов на этот вопрос являлся метод противовесов. В 1714 г. он был изложен в самой резкой парадоксальной форме в «Басне о пчелах» Б. де Мандевиля: «Пороком улей был снедаем, Но в целом он являлся раем...» [3, с. 14]. Для А. Поупа «государственное искусство» также состояло в признании и применении двух предпосылок, лежащих в основе политического метода противовеса: люди никогда не действуют из бескорыстных и рациональных побуждений, но возможно создать гармоничное государство, умело смешивая и уравновешивая антагонистические части [13, р. 42]. Действия людей, в свою очередь, всегда направляются их страстями, а не разумом. Последний, правда, играет важную роль в человеческом поведении, позволяя выносить оценочные суждения о способах удовлетворения страстей, но не обладает движущей силой. Воля каждого человека находится во власти некой всепоглощающей «главной страсти». Хотя от этих противоречивых страстей невозможно избавиться, их можно объединить и заставить противодействовать друг другу, что в итоге приведёт к общественному миру и порядку [13, р. 43]. Л. де К. Вовенарг писал в 1746 г.: «Если верно, что порок невозможна искоренить, то наука правителей состоит в том, чтобы принудить его к содействию общему благу». Позднее Гельвеций более пространно излагал частные проявления общей концепции: каждый человек всегда преследует свой личный интерес, но искусство управления заключается в отождествлении личного и общественного интересов – или, по крайней мере, в убеждении людей в их тождественности [13, р. 45].

Лавджою представляется очевидным, что создатели Конституции США стремились применить данные положения в планировании системы государственного управления. Основная проблема проистекала как из политической этики, так и из практической психологии, и заключалась, скорее, в опоре на «предсказания» действий американцев после создания определенных правительственный механизмов. Следовательно, возможно ожидать, что эти предсказания окажутся верными только в том случае, если они будут основаны на том, что в глазах главных сторонников и защитников Конституции представлялось здравой и реалистичной теорией человеческой природы [13, р. 47].

Особый интерес Лавджоя вызывали воззрения Д. Мэдисона – члена Филадельфийского Конвента, заслуживавшего звания «Отца Конституции». Он во многом основывал представления о природе человека на господствующих концепциях. Мэдисон, как и другие отцы-основатели, не испытывал ни «веры в народ», ни «веры в людей» как личностей, действующих в своем политическом качестве. Он признавал определенные политические права за отдельными категориями граждан, прежде всего право голосовать (за некоторыми исключениями) и занимать государственные должности. Он искренне верил в то, что он и другие отцы-основатели выстраивали схему правления, которая в долгосрочной перспективе послужила бы благу народа в целом. Но «народ» как избиратели (т. е. весь электорат), состоял исключительно из «фракций», т. е. индивидов, объединённых в соперничающие политические группы или партии и стремящихся к достижению целей, «противоречащих правам других граждан или постоянным и совокупным интересам общества». Как отмечает Лавджой, само представление о «вере в народ» открыто и решительно отвергалось в «Федералисте № 10». Тем не менее, Мэдисон верил в эффективность и возможность применения метода противовеса как способа исправления зла – как «республиканского средства от болезней, наиболее свойственных республиканскому правлению» [13, р. 52]. Его политическая философия, по Лавджою, включала два ключевых положения: во-первых, убеждение, что политические мнения и действия отдельных лиц всегда будут определяться личными мотивами, вытекающими из дурной природы человека и расходящимися с общими интересами. Во-вторых, установка, что при разработке политического строя возможно сконструировать хорошее целое из плохих частей, подчинить конфликтующие частные интересы общественному интересу посредством их нейтрализации друг друга [13, р. 51–52].

По словам Мэдисона, «главная угроза для правительства, основанных на народном образце, – это «дух фракции». Под «фракцией» он подразумевал «группу граждан, составляющих большинство или меньшинство от общей численности, объединённых и движимых общим импульсом страсти или интереса, противоречащего правам других граждан или постоянным интересам общества». Существует два мыслимых «метода устранения пагубного влияния фракций: один – устранение её причин, другой – контроль над её последствиями». В оценке Лавджоя, первый метод совершенно несовместим с народным правлением: уничтожить фракции можно, только полностью упразднив «свободу» отдельных граждан, то есть их право самостоятельно выражать и добиваться реализации мнений и желаний в области политики посредством избирательного права. Но ожидать, что осуществление ими этого права будет определяться чем-либо, кроме так называемых особых интересов (того, что Мэдисон и подразумевал под «духом

фракции»), – значит ожидать невозможного преобразования человеческой природы: «Пока разум человека подвержен ошибкам и он волен им руководствоваться, будут формироваться различные мнения». Разделение общества на различные группы будет неизбежным [13, р. 47–48].

Следует отметить, что Мэдисон применяет термин «республика» как противоположность «демократии» в том смысле, что республика не должна быть ни демократической, ни аристократической, являясь скорее их смешанной формой. Его видение республики предполагает отсутствие проблем демократии, выражющихся в значительном количестве фракций и стремлении к тирании большинства. Для претворения в жизнь подобного он выдвигал три принципа – выбор народом своих представителей; голосование народа на основании интересов, а не добродетели, тем самым интересы различных фракций будут уравновешиваться; разделение властей, препятствующих давлению определенной фракции в целях контроля и баланса злоупотреблений, основанных на интересах. Стало быть, республика в представлениях Мэдисона должна быть обширной, а наличие множественных групп, представляющих конфликтующие особые интересы, позволит эффективно уравновешивать друг друга. И в этом случае ни одна часть не сможет доминировать над целым, используя всю законодательную и исполнительную власть правительства в своих целях. Каждая фракция не сможет получить большинство голосов в пользу своего особого интереса, поскольку все остальные фракции будут против него, и таким образом будет достигнуто «общее благо» или максимально возможное приближение к нему. Применяя подобным образом метод противовеса как средство решения ключевой проблемы политической теории, Мэдисон одновременно отстаивал одно из главных практических положений. Обсуждая вопрос о важности обширных республик для общественного блага, Мэдисон, в оценке Лавджоя, скорее сводил его к проблеме распределения законодательных полномочий между федеральным правительством и штатами, являясь в то время сторонником принципа «национального верховенства». Хотя штаты должны иметь право принимать законы, касающиеся местных вопросов, «во всех случаях, когда отдельные штаты некомпетентны или когда гармония в Соединённых Штатах может быть нарушена отдельным законодательством», эти полномочия предоставляются Федеральному конгрессу. Таким образом, под «обширной республикой» Мэдисон подразумевал республику централизованного типа [13, р. 49–50]. Если все конфликтующие фракции будут противостоять друг другу в законодательном органе, маловероятно, что какая-либо из них окажется достаточно сильной для реализации «планов угнетения». При увеличении разнообразия и количества партий уменьшается вероятность того, что у большинства возникнет общий мотив для посягательств на права других граждан. Вместе с тем, «расширение сферы» для Мэдисона, очевидно, означало увеличение как числа групп, участвующих в центральной законодательной власти, так и числа вопросов, по которым она может принимать законы. Чем более «расширенной» она будет де-юре, тем более ограниченной будет её власть де-факто [13, р. 51]. В интерпретации Лавджоя, защищая основные положения Конституции, касающиеся принципа разделения властей, всей системы «сдержек и противовесов», Мэдисон также весьма пессимистично оценивал человеческую природу, отмечая важность того, чтобы ни одна фракция никогда не получила большинства в законодательном органе. Этого можно легко избежать, противопоставив фракции и их интересы друг другу [13, р. 56].

В целом, Лавджой сводил основные тезисы Мэдисона к следующим положениям. Весь народ обладает исключительным правом на власть, но ни одно большинство, каким бы многочисленным оно ни было, не имеет монополии на нее. На практике это бы привело к принятию ряда компромиссов, которые не могли бы соответствовать исключительно интересам одной фракции, но которые все были бы готовы принять за неимением лучшего. Тем самым практическая необходимость достижения какого-либо соглашения является осуществимой только благодаря приблизительному уравновешиванию конфликтующих групп и интересов посредством компромиссов.

Сходные позиции, во многом проистекающие из веры в метод сдержек и противовесов, представлял и другой член Конвента – Г. Моррис. Обсуждая полномочия «второй ветви» – федерального законодательного органа (Сената), он произнёс характерную речь, в которой заявил, что основная функция второй палаты – «сдерживать поспешность, изменчивость и крайности первой ветви... Один интерес должен быть противопоставлен другому. Пороки, как они есть, должны быть обращены друг против друга» [13, р. 57]. Моррис допускал, что вследствие порочной человеческой природы Сенат всегда будет враждебен интересам «остальных», неимущих классов. Поэтому необходимо создать ещё одну палату, представляющую интересы последних, чтобы контролировать первых. Стремясь прежде всего обеспечить защиту имущественных интересов крупных собственников, он полагал, что метод противовеса может быть применен для достижения данной цели. Эффективность данного метода будет выражаться в том, чтобы помешать любой из противоборствующих фракций достичь своей цели. Сенат, к примеру, никогда не одобрит никакую меру, затрагивающую классовые интересы его членов, принятую Палатой представителей. Из этого следует, что «бедные» никогда не смогут добиться принятия закона, неблагоприятного для экономических интересов «богатых» [13, р. 59–60].

Таким образом, подобный метод мог применяться не только сторонниками преобразований, но и в рамках консервативной традиции, хотя он сам по себе не основывался на консервативных доводах, например, на предположения, что перемены сами по себе плохи или что «аристократический» класс гораздо мудрее «низших классов». Для Лавджоя он основывался исключительно на обобщении, что цели и мотивы практически всех индивидов, а следовательно, и всех «фракций», одинаково иррациональны и безразличны к «общему благу»; и только на этом предположении можно было последовательно отстаивать схему равновесия, делающую все фракции одинаково бессильными [13, р. 61]. Подобные установки подразумевали под собой ряд последствий. В первую очередь, подразумевалось, что в политических дискуссиях апеллирование к этическим нормам, рациональным и беспристрастным идеалам являлось бы неуместным и даже бесполезным, поскольку никакие подобные установки не могли бы повлиять на иррациональные мотивы, управляющие мнениями и действиями избирателей или законодателей. Но на практике, моральные призывы вовсе не были неэффективными: представители партий не только не признавали, что пропагандируемая ими политика противоречит «правам других и всеобщему благу», но и утверждали ее соответствие высоким моральным принципам. Во-вторых, признание значимости подобных соображений не влекло за собой возможность их перенесения «в другой суд, в котором споры должны решаться на основании логической последовательности и проверяемости эмпирических

доказательств». Вместе с тем, Лавджой в принципе далек от утверждений, что данные предположения о мотивах людей были ложными или же неуместными для решения непосредственных практических проблем, с которыми столкнулись создатели Конституции в 1787 г. [13, р. 62–63].

Т.о., главная историческая цель Лавджоя состояла не в том, чтобы оценить, а в том, чтобы проиллюстрировать широкое распространение негативной и пессимистичной оценки человеческой природы и мотивов, определяющих политическое поведение людей, и частично объяснить тот факт, что люди, основавшие США, разделяли подобную оценку. Комплексом взаимосвязанных идей в этой связи выступают представления о природе человека и мотивах человеческих действий, господствующие в мысли XVII и XVIII вв. Подобное понимание человеческой природы подразумевало под собой следующее предположение – несмотря на то, что человек представляет собой «бесполезный материал» для построения мирной, бесперебойно функционирующей, стабильной и справедливой политической системы, разнообразные, противоречивые, личные мотивы могут подчиняться представлениям о всеобщем благе и даже способствовать ему. Фундаментальной основной подобных утверждений являлась установка, согласно которой «разум» человека оказывает второстепенное и очень незначительное влияние на его поведение, и что иррациональные или нерациональные чувства и желания являются действительными причинами всех или почти всех человеческих действий. Практическое следствие, вытекающее из данных предпосылок и применяемое Мэдисоном, можно сформулировать следующим образом. Для того, чтобы контролировать «поведение» людей, создать социальную и политическую структуру, необходимо использовать иррациональные силы и «изъяны» ума, компенсируя взаимно антагонистические мотивы индивидов посредством метода сдержек и противовесов.

Список литературы

1. Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI в. 2008. № 4. С. 288–302.
2. Лавджой А. Великая цепь бытия: история идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
3. Мандевиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц - блага для общества. М.: Наука, 2000. 291 с.
4. Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.
5. Хлуднева С.В. Об очерке Артура Лавджоя «Историография идей». [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/page49921167.htm> (дата обращения – 02.03.2025).
6. Юлина Н.С. Лавджой, Артур Онken // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2127894> (дата обращения – 03.04.2025).
7. Bredsdorff T. Lovejoy's Idea of «Idea» // New Literary History, 1977. Vol. 8. No. 2. P. 195–211
8. Coon D.J. Of Gold and Pyrite // Biology and Philosophy. 1990. № 5. P. 493–501.
9. Duffin K.E. Arthur O. Lovejoy and the Emergence of Novelty // Journal of the History of Ideas. 1980. № 41. P. 267–281.

10. Gordon P.E. What is Intellectual History? A Frankly Partisan Introduction to a Frequently Misunderstood Field [Electronic resource]. URL: <https://ces.fas.harvard.edu/uploads/files/Reports-Articles/What-is-Intellectual-History-Essay-by-Peter-Gordon.pdf> (accessed: 02.03.2025).
11. Gordon-Bournique G. A. O. Lovejoy and the «History of Ideas» // Journal of the History of Ideas. 1987. Vol. 48. No. 2. P. 207–210.
12. Lovejoy A.O. Self-Appraisal of Man // Reflections on human nature. Baltimore:Johns Hopkins Press, 1961.P. 1–36.
13. Lovejoy A.O. The Theory of Human Nature in the American Constitution and the Method of Counterpoise // Reflections on human nature. Baltimore:Johns Hopkins Press, 1961. P. 37–65.
14. Mink L.O., Wiener P.P. Some Remarks on Professor Mink's Views of Methodology in the History of Ideas // Eighteenth-Century Studies. 1969. Vol. 2. N 3. P. 311–320.
15. Randall J.H. Arthur O. Lovejoy and the History of Ideas // Philosophy and Phenomenological Research. 1963. Vol. 23. No. 4. P. 475–479.
16. Reck A. J. The Philosophy of A. O. Lovejoy (1873–1962) // The Review of Metaphysics. 1963. Vol. 17, No. 2. P. 257–285.

A Lovejoy's history of ideas: the theory of human nature in the american constitution

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

The article examines A. Lovejoy's concept of the history of ideas, which consists of isolating and studying unit-ideas which moving through time. It is noted that human nature for him did not act as a unit-idea, but rather as a complex ideas represented by various positions and assessments. It is stated that Lovejoy's main historical purpose was to illustrate the widespread prevalence of a pessimistic assessment of human nature and motives, including among the creators of the American Constitution.

Keywords: *intellectual history, idea, history of ideas, human nature.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, As. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2025.
Дата принятия рукописи в печать: 20.10.2025.